

ГРАЖДАНСКАЯ ПОЗИЦИЯ И.Д. КОВАЛЬЧЕНКО

Уважаемые коллеги, сегодня, спустя почти год после того, как мы потеряли Ивана Дмитриевича, мы собрались в этом зале, чтобы поговорить о его научном наследии, о нем как о человеке, и это соответствует гуманным принципам отношений между учеными, чему активно следовал и сам Иван Дмитриевич.

Вообще, в более широком плане это проблема нашего наследия и отношения к ученым, в данном случае к историкам, которые трудились и работали совсем недавно или в более далекое время. Уже сказаны или еще будут сказаны слова, касающиеся многогранной деятельности Ивана Дмитриевича, его дара ученого, общественного деятеля, организатора науки. Я очень рад был услышать от Леонида Васильевича Милова, что будут опубликованы те труды, которые Иван Дмитриевич не успел завершить. Но я хотел бы остановиться на еще одной стороне деятельности Ивана Дмитриевича, которая, как мне кажется, имеет большое нравственное значение.

В общем это был человек своего времени. Люди, сидящие в этом зале, очень многие по крайней мере (молодежь, естественно этого не знает), представляют себе, в сколь непростое время мы работали. Десятки лет общения с Иваном Дмитриевичем позволяют говорить о нем не только как о крупном ученом, общественном деятеле и организаторе науки, но и как о человеке, в отношении которого можно сказать, что это был глубоко порядочный человек. Было много сложных ситуаций, в которых он оказывался и из которых не так просто было найти выход. Но он находил эти решения. Иван Дмитриевич был человек с хитрецой, он умел найти решение, которое было непростым. Но оно всегда было нравственным. Я не помню случая, чтобы он делал что-либо в ущерб кому-нибудь.

Помню, он был редактором журнала "История СССР". Как раз в этот период разворачивалась борьба против так называемого нового направления в науке, связанного с именами людей, с которыми Иван Дмитриевич был близок. Это и П.В. Волобуев, и К.Н. Тарновский и другие. Я помню хорошо, я работал тогда в Отделении истории, какой сильный нажим оказывался на Ивана Дмитриевича, чтобы он напечатал в журнале какие-либо критические статьи и чтобы он включился в эту дискуссию, естественно, трактуя ее в русле официальной идеологической линии,

которая тогда была. От него ждали, от него практически требовали публикации статей. Я присутствовал однажды, когда П.Н. Поспелов активно и жестко, как он иногда умел, требовал помещения статьи. Но Иван Дмитриевич этого не сделал. Он этого не сделал и в силу своей, повторяю, общегражданской позиции, и в силу своего понимания долга ученого.

Мы говорили сегодня о проблеме количественных методов в исторических исследованиях. А ведь тогда было не так просто утвердить эти методы. Хорошо помню заседание, на котором было сказано, что математические методы в истории ведут к отходу от классовых позиций.

Что такое были математические методы?.. Иван Дмитриевич начинал их внедрение не один и к тому же не на нашей, советской, российской почве, а он начинал их вместе с американцами. Я помню, что кто-то спросил тогда Ивана Дмитриевича: "А почему вы занялись этим делом, что в этом интересного?" Он ответил: "Это дает дополнительный шанс для объективизации научного знания." Сегодня нам это кажется банальностью. Поверьте, тогда надо было иметь мужество не только для того, чтобы это сделать, но и для того, чтобы это доказывать. Именно тогда у него родилось тесное общение, переросшее в дружбу, с так называемыми американскими советологами, общение с которыми было далеко не безобидным делом. Ведь в то время Хаймсон и Рабинович, и Розенберг, и Юта Шеррер в Париже - отнюдь не пользовались иммунитетом в нашей стране.

Наконец, вспомним недавнее время второй половины 80-х и 90-е годы. Директора многих институтов столкнулись в Академии наук с непростой ситуацией, когда у нас был невероятный разброс мнений, когда экстремизм с двух сторон не просто наращивал свои силы, но грозил нанести непоправимый удар исторической науке. Иван Дмитриевич был очень тактичен. Я не помню ни одного случая, чтобы мы не могли знать, что у нас есть надежная спина. Мы ходили к нему каждый по два-три раза в неделю. И мы могли быть уверены, что он поддержит абсолютно любое мнение, даже если это была архикрамольная идея, при условии, что она была следствием искреннего желания какого-нибудь научного работника этим заниматься. Можно привести множество таких примеров, когда он, как руководитель Отделения истории, призывал прислушиваться к любому мнению, дать возможность выражения самых разных точек зрения и позиций. "Надо все воспринимать как есть, - говорил он, - Жизнь постепенно расставит все по своим местам."

Он был инициатором активного внедрения цивилизационного метода в историческую систему познания. Именно на базе

этого метода он пришел в последние годы своей жизни к идее синтеза, которую он очень отстаивал и изложил в научном докладе, одном из последних, на собрании Президиума Российской академии наук, где он попытался объяснить и показать значение синтезирующих факторов в методологическом процессе. И сегодня мы можем сказать: то, что И.Д. Ковальченко был в то время руководителем Отделения истории РАН, для нашей исторической науки имело очень большое значение. Он сумел не только сохранить кадры, но и позволил нам выйти на дорогу обновления исторической науки. Не знаю, как это было бы при каком-нибудь другом академике-секретаре. Этот человек дал возможность родиться самым различным направлениям в исторической науке. Есть десятки людей, которые работают еще и сегодня и которые обязаны И.Д. Ковальченко тем, что он их поддержал, что не дал их в обиду и прикрывал в трудные времена. Я думаю, что опыт таких людей, каким был И.Д. Ковальченко, и изучение их наследия очень важны для нас как часть истории нашей науки. Ведь новое рождается не только теми, кто выдвигает новые идеи, этого еще мало. Призвание настоящего большого руководителя, а именно таким был Иван Дмитриевич, состоит в том, чтобы создать условия и помочь внедрению новых идей. Заканчивая, хочу сказать еще раз: это был человек большого обаяния, это был человек большой, настоящей порядочности и высоких нравственных качеств.